

8. Сидоров Е.В. Основы коммуникативной лингвистики. Учебное пособие. – М.: Изд-во ВКИ, 1986. – 165 с.
9. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста: Автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. – М., 1988. – 52 с.
10. Швейцер А.Д. Перевод: проблемы и перспективы // Изв. АН СССР Серия литературы и языка. – 1984. – Т. 43. № 6. – С. 504-512.
11. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
12. Jäger G. Translation und Translationslinguistik. – Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1975. – 214 s.
13. Kade O. Die Sprachmittlung als Gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand Wissenschaftlicher Untersuchung. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopadie, 1980. – 285 s.
14. Nord Ch. Textanalyse und Übersetzen: Theoretische Grundlagen, methode und didaktische anwendung

einer übersetzungsrelevanten Textanalyse. – Heidelberg: Jukius Groos Verlag, 1988. – 186 s.

A. Oleynik

CORRELATION OF TRANSLATION AND INTERPRETATION AS TYPES OF LINGUAL MEDIATION

Abstract. The present article covers the problematic of correlation between translation and interpretation. The author gives a short characteristic of interpretation, shoves the motives and limits of its use, analysis its main phases. The material of English-Russian translation presents situations of interaction between interpretation and translational transformations in text discourse.

Key words: translation, interpretation, discourse form of the text, translational transformations, reproduction of source utterance.

УДК 81'255.2

Пугина Е.Ю.

СВОЕ ЧЕРЕЗ ПОСРЕДСТВО ЧУЖОГО: АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В АВТОПЕРЕВОДАХ Р. ТАГОРА И ТВОРЧЕСТВЕ Р. НАРАЙЯНА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

Аннотация. В статье рассматривается использование английского языка крупнейшими представителями индийской литературы XX столетия Р. Тагором и Р. Нарайяном. Отмечается, что в первом случае речь идет преимущественно об автопереводах с бенгальского, тогда как во втором английский изначально использовался в качестве исходного языка при описании тамильской действительности. Указанный момент отразился и в лингвистических характеристиках рассматриваемых текстов: если применительно к Р. Тагору можно говорить о своеобразной «дереализации», проявляющейся в устранении ряда специфических для индийской национально-культурной специфики понятий, то для творческой манеры Р. Нарайяна, напротив, доминирующей чертой признается насыщенность локальным колоритом, достаточно сложно воспроизводимым при межязыковой передаче.

Ключевые слова: индийский, англоязычный, автоперевод, межязыковой, передача, Р. Тагор, Р. Нарайян, реалия.

Говоря о проблеме индийских реалий – как в собственно лингвистическом, так и в перевод-

ческом аспектах – необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что зачастую оно носит достаточно широкий характер, обусловленный присущими этой стране полиязычием и, соответственно, в определенной степени поликультурностью. Действительно: если, с одной стороны, государственным и численно преобладающим идиомом на территории Индии является хинди, то, с другой стороны, поскольку речь идет о художественной литературе, «доминирование» последнего представляется достаточно условным... И, пожалуй, лучшим доказательством данного положения можно считать тот известный факт, что наиболее выдающийся индийский писатель конца XIX – первой трети XX столетия, Рабиндранат Тагор (по существу первый новоиндийский писатель, обретший широкую известность) писал на бенгальском языке, правда, получившем в независимой Республике Индия официальный статус в штате Западная Бенгалия, но преобладающем ныне на территории Республики Бангладеш, возникновение которой, сопровождавшееся драматическими событиями индо-пакистанского конфликта, относится к началу 70-х годов прошлого века. Вместе с тем для самого Тагора, получившего признание от

* © Пугина Е.Ю.

британских властей, хотя не раз протестовавшего против многих действий колониальной администрации, было вполне естественным стремление ознакомить англоязычного, а через него – и мирового читателя со своим творчеством «из первых рук», результатом чего стало появление соответствующих версий, квалифицируемых как автопереводы.

Вопросу о специфике и сущности последнего посвящена достаточно обширная литература. В частности, он был подробно рассмотрен в работе Р.Р. Чайковского (см. [Чайковский 1997]), отмечавшего, что само существование автопереводов не раз ставилось под сомнение (хотя сам автор подобного скептицизма не разделяет).

Названная проблема затрагивалась и в известной работе болгарских переводчиков С. Влахова и С. Флорина, указывавших, что, с одной стороны, в результате авторской передачи на другой язык «вместо перевода может появиться новое произведение», тогда как, с другой стороны, «переводчик-автор, в отличие от обычного переводчика и читателя, видит переводимое произведение также «изнутри», что позволяет ему, если он сочтет это целесообразным, создать действительно безупречный перевод (разумеется, при совершенном владении обоими языками)» [Влахов, Флорин 1986, 189].

Для целей нашей статьи особый интерес представляет то обстоятельство, что, говоря о собственном опыте работы с подобного рода текстами, они приводят в качестве примера именно произведения Р. Тагора, отмечая, что писатель «переиначил фактические сведения о своей родине, чтобы приблизить, как он, вероятно, представлял себе, повествование к пониманию английского читателя» [Флорин 1983, 122]. «Таким образом, – заключают наши болгарские коллеги, – в результате одних из его поправок или переделок утрачивается известная доля колорита, аромат его повествования, а благодаря другим в текст вкрадывается фальшивая нотка, приводящая к эффекту, обратному намерениям писателя-переводчика» [Влахов, Флорин 1986, 193].

Даваемое авторами объяснение причин осуществленной Р. Тагором англоязычной автоадаптации в значительной степени является общепринятым, и в целом с ним, вероятно, можно было бы согласиться. Однако хорошо известно, что многие английские авторы, бывшие современниками классика бенгальской литературы (среди них можно назвать Р. Кипплинга, Э. Форстера, А. Конан Дойла и многих других) достаточно часто вводили в тексты своих произведений «индийские» элементы без каких-либо специаль-

ных пояснений. Да и в переводческих трудах не раз отмечалось, что «в активном словаре колониальной Англии тех лет было немало слов и словосочетаний, связанных с Индией» [Модестов 2006, 235].

Можно, конечно, допустить, что Р. Тагор, для которого британская публика была всё-таки не своей, мог недооценивать имевшиеся у неё фоновые знания об Индии. Однако думается, что играли роль и другие факторы. Для англичан (точнее, британцев), писавших об Индии, жизнь и нравы её обитателей были, прежде всего, экзотикой, которая маркировалась применением соответствующих языковых средств, т.е. реалии, выделяясь на фоне английского текста, были своего рода показателями «непохожести». Для Р. Тагора же, естественно, и подобного рода лексика, и стоящие за ней предметы и явления были лишены какого-либо «экзотического флёра». Именно на такого рода восприятие с позиций своего (бенгальского) читателя был ориентирован исходный текст; возможно, именно такой эффект был важен писателю и в английской версии. Действительно: даже если житель Британских островов в общем и целом имеет представление о том, кто такой *заминдар* и что такое *шастры*, – он никогда не воспримет их как хорошо знакомые и близкие *landowner* и *scriptures*...

Поскольку русский перевод романов «Крушение» и «Дом и мир», которые чаще всего используются для иллюстрации применявшихся индийскими автором методов автоперевода, передавались на русский язык непосредственно с бенгальского (переводы Е. Смирновой и И. Товстых и В. Новиковой соответственно), постольку упоминавшийся выше С. Флорин использовал, по собственным словам, русский текст для «корректировки» английской версии, по которой создавалась болгарская: «Взяв это на свою переводческую совесть, я нашел русский перевод с бенгали и выправил «европеизированные» элементы, восстановив бенгальские реалии...» [Влахов 1983, 122]. Однако, как показывает сопоставительный анализ русского перевода и англоязычной версии, первый далеко не всегда может квалифицироваться как идентичный оригиналу в интересующем нас аспекте. Так, в англоязычном тексте романа «Дом и мир» читаем: 'My father-in-law's house was old in dignity from the days of Badshahs', тогда как по-русски она передана следующим образом: «В семье моего свекра придерживались старых обычаев и привычек». Лексема *Badshahs*, представляющая собой одну из огласовок слова *Padishah* – падишах, применялась в Индии по отношению к представителям

династии Великих Монголов. Можно, вероятно, по-разному относиться к вопросу о целесообразности её сохранения для отечественного читателя, однако данный факт подтверждает высказывавшееся в специальной литературе мнение о «принципиальной возможности наличия в самой русской версии ‘сдвигов’, в том числе и связанных с межкультурной адаптацией данного произведения для русского читателя» [Валуицева, Хухуни 2003, 22].

Возвращаясь к вопросу о характере самих автопереводов Р. Тагора (точнее в данном случае, как указывалось выше, было бы говорить о наличии у соответствующих произведений писателя англоязычных версий), считаем целесообразным заметить, что, – как ни парадоксально это звучит – предложив их британскому читателю, классик индийской литературы в какой-то степени лишил его возможности познакомиться с «подлинным» (т.е. переданным путем адекватного перевода) Тагором. С одной стороны, даже при наличии других переводов упомянутых произведений с бенгальского на английский, где будут сохранены и воспроизведены лексические единицы, насыщенные национально-культурной спецификой, их вряд ли предпочтут тому, что создано лично автором. В этой связи, кстати, на наш взгляд, учитывая статус и степень распространенности бенгальского в самой Индии, большинство «небенгалоязычных» её обитателей знакомились и знакомятся с названными творениями именно по тем английским текстам, которые вышли из-под пера самого Р. Тагора. С другой стороны, популярности последнего за пределами родины достаточно существенная «дереализация», которой подверглись оба романа, как известно, отнюдь не помешала.

Надо сказать, что зачастую даже при весьма пристальном исследовании наличествующих в автопереводах трансформаций не всегда удается найти достаточно удовлетворенное объяснение, чем руководствовался писатель, осуществляя то или иное преобразование, и, тем более, сформулировать закономерности использования каких-либо из них (сохранения реалий, её опущения или применения парафразы) в том или ином конкретном случае. В качестве примера приведем только два случая с именами собственными, относящиеся к индуистской мифологии, которые взяты нами из романа «Дом и мир»: «Нет, спасение женщины заключается в том, чтобы смирить свою гордость. Шива стоял нищим у дверей Оннопурны, но разве смогла бы Оннопурна вынести страшную, огненную его силу, не будь она предана Шиве?»

‘Can there be any happiness for a woman in merely feeling that she has power over a man? To surrender one’s pride in devotion is woman’s only salvation’

«В битве с Махадевой, одетым в костюм дикаря, Арджула завоевал себе друга»

‘Arjuna won Mahadeva’s favour by wrestling with him’

Рискнем предположить, что вряд ли можно, не прибегая к натяжкам, утверждать, что «средним» британским читателям Р. Тагора имена Арджуны – одного из героев «Махабхараты» и Махадевы – эпитет бога Шивы были знакомы в настолько большей степени, нежели самого Шивы – бога созидания и разрушения и его супруги Оннопурны (одно из воплощений богини Дурги), кормящей мир, что в первом случае целесообразнее оказалось сохранить их, а во втором прибегнуть к опущению. Аналогично обстоит дело и с другой парой предложений, где фигурируют уже реалии, связанные с индийской флорой:

«Он не ввел Ситу в свой дом, а оставил её в ашоковом лесу».

‘He kept Sita in his Asoka garden, awaiting her pleasure, instead of taking her straight into his harem’.

«Еще в детстве я наблюдала, как моя мать, тщательно очистив для отца плоды, укладывала их на белое каменное блюдо, заботливо завертывала для него в маленькие кусочки материи бетель».

‘When my mother arranged the different fruits, carefully peeled by her own loving hands, on the white stone plate, and jently waved fan to drive away the flies...’

Опять-таки, предположение, что бетель в плане восприятия его европейским читателем будет с точки зрения понятности сильно уступать ашоку, представляется не слишком обоснованным. Таким образом, остается лишь предположить, что в данном случае, в определенной степени, на передний план выступал не коммуникативный, а индивидуально-стилистический аспект, обусловленный чисто авторскими соображениями.

Так или иначе, но пример Р. Тагора наглядно демонстрирует, сколь осторожен был индийский писатель, вводя соответствующие реалии в автоперевод своего произведения. А вот в творчестве его соотечественников, для которых английский изначально являлся исходным языком, дело могло обстоять уже по-иному.

Прежде всего – в отличие от случая с автопереводами – в данном случае в качестве пер-

вичной аудитории предполагался, в основном, в первую очередь, «свой» читатель (хотя знакомство с соответствующим произведением и более широкой англоязычной аудитории автором, разумеется, отнюдь не исключалось). А указанное обстоятельство обуславливало в интересующем нас отношении гораздо большую свободу «экзотизации» текста. Впрочем, определенные сложности могли возникнуть и в данном случае, о чем свидетельствуют приводимые в известной работе Д. Кристалла слова одного из крупнейших англоязычных писателей Индии XX столетия Раджа Рао: «В действительности английский язык не чужой для нас. Это язык нашего интеллектуального мира, коим прежде являлся санскрит или персидский язык, но отнюдь не нашего эмоционального состояния... Мы не в состоянии писать на нем как англичане. Мало того, мы не должны так писать. Но мы не можем писать на нем и как индусы. Мы повзрослели, научились рассматривать наш огромный мир как часть нас. Способом нашего самовыражения должен быть диалект, который в будущем может стать столь же своеобразным и выразительным, как ирландский или американский варианты английского языка» [Кристалл 2001, 223].

Подтверждением процитированного утверждения может служить и творчество Р.К. Нарайана. Будучи практически ровесником прошлого века (годы жизни 1906-2001), он представляет собой своего рода соединяющее звено между литературой Британской Индии, с одной стороны, и независимой Республики Индия – с другой, а присущая его произведениям подчеркнутая традиционность дает все основания привлечь его для рассмотрения интересующей нас проблемы.

В качестве примера нами был выбран опубликованный в 1958 г. и считающийся вершиной его творчества роман ‘The Guide’ (русское заглавие – «Святой Раджу»), переведенный одной из видных представительниц отечественной переводческой традиции Н. Демуровой.

Характеризуя текст последнего, один из индийских исследователей отмечал, что оригинал романа насыщен тамильской лексикой (отражающей, в первую очередь, естественно, именно реалии), причем независимо от степени её освоенности собственно английским языком, т.е. автор в значительной степени «индуизирует» подлинник. С этой точки зрения он рассматривается как блестящий образец воспроизведения жизни, культуры и психологии тех индийцев, для которых английский является всё-таки иностранным языком [Ejaz 2007, 41-42].

Не останавливаясь подробно на конкрет-

ных случаях передачи тех или иных реалий в упомянутом переводе, обратим внимание на следующий момент. То, что можно назвать «общеиндийским» колоритом названного произведения, достаточно полно сохранено в предложенной Н. Демуровой версии, в том числе и путем воспроизведения соответствующих лексических единиц, в необходимых случаях снабженных пояснениями. При этом приемы их репрезентации, используемые переводчицей, весьма разнообразны: транскрипция//транслитерация (dhobi – дхоби - член касты прачек в Индии, где данное занятие традиционно относилось к сфере мужских профессий); описательный перевод (jaggery – пальмовый сахар), подстановка эквивалента (mohur tree – райское дерево) и т.п. Однако то, что можно назвать «южноиндийским» колоритом (и то, что считается одной из наиболее характерных черт англоязычного подлинника), в ряде случаев оказалось ослабленным.

В качестве примера приведем следующее предложение:

‘It was was he called a pyol school, because the classes were held on the pyol of the gentleman’s house’

«Она относилась к числу так называемых «галерейных школ», потому что уроки проводились на галерее, тянувшейся по фасаду его дома»

В чисто лингвистическом плане подобную передачу, вероятно, можно считать оправданной, однако определенная часть фоновой информации, содержащейся в исходном тексте, остается скрытой для русского читателя. С одной стороны, как отмечали исследователи (см. в частности [Ejaz 2007]), названная лексема принадлежит к числу наиболее частотных в языке писателя, имея ярко выраженную южноиндийскую окраску. С другой стороны, будучи, таким образом, несомненным локализмом, т.е. единицей, представленной только на части территории страны, она вместе с тем наглядно демонстрирует некоторую относительность самого понятия «индийской реалии», поскольку возводят данное слово к португальскому royal (скамья, стул), т.е. в саму Южную Индию оно пришло из европейского языка.

Подводя итог сказанному, отметим, что вопрос о роли английского языка как ПЯ при авторском переводе, с одной стороны, и ИЯ при создании оригинальных произведений – с другой и связанные с этим проблемы межъязыковой передачи представляют большой интерес для теории и практики перевода и заслуживают дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
2. Кристал Д. Английский язык как глобальный. – М.: Издательство «Весь мир», 2001. – 240 с.
3. Модестов В.С. Художественный перевод: история, теория, практика. – М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2006. – 463 с.
4. Флорин С. Муки переводческие. Практика перевода. – М.: Высшая школа, 1983. – 184 с.
5. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста. – М.: Прометей, 2003. – 172 с.
6. Чайковский Р.Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). – М.: Кордикс, 1997. – 197 с.
7. Ejaz Md.A. The Language of R.K. Narayan. A Discourse analyses//Indian fiction in English. Roots and Blossoms, 2007. – P. 34-44.

E. Pugina

YOUR OWN BY MEANS OF FOREIGN: ENGLISH IN TRANSLATIONS OF R. TAGOR AND IN THE WORKS OF R. NARAYAN AS A TRANSLATION PROBLEM

Abstract. The article deals with the usage of the English language by the greatest representatives of Indian literature of the 20th century R. Tagor and R. Narayan. It is stressed that in the first case we mean auto translations from Bengali, and in the second case English was originally used in descriptions of Tamil reality. This peculiarity was reflected in linguistic characteristics of the considered texts: speaking about R. Tagor we mean “derealization”, shown in elimination of specific Indian cultural notions, but in the works of R. Narayan on the contrary the main feature is the national colour which is difficult to express in translations.

Key words: Indian, English, autotranslation, interlingual, delivery, R. Tagor, R. Narayan, reality.

УДК 81'255.2

Схвитаридзе М.Б.

ПАРЕМИИ В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК*

Аннотация. Пословицы и поговорки в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» не только изящные детали, конкретизирующие историческое прошлое в его речевом измерении. В некоторых из них заключена основная идея всего произведения. Наряду с использованием моноэквивалентов и аналогов ведущим способом перевода паремий становится создание пословицеобразных оборотов, которые сохраняют образность оригинала и вместе с тем легко узнаются иносказательным читателем.

Ключевые слова: пословица, поговорка, моноэквивалент, аналог, пословицеобразный оборот, паремия.

Пушкинский шедевр, повесть «Капитанская дочка», является настоящим вызовом для перевода. Об этом говорит наличие значительного числа (20 единиц, по нашим подсчетам) фразеологических выражений (паремий, т.е. пословиц и поговорок), перевод которых затруднен «по определению». Работа переводчика усложняется тем, что в некоторых из них заключена основная идея всего произведения. Проблемы, связанные

с переводом пословиц и поговорок, рассматривались в трудах Комиссарова В.Н., Кунина А.В., Нелюбина Л.Л. Мы рассмотрели семь переводов повести на английский язык (приводим их в хронологическом порядке):

1. Pushkin A. Marie: A story of Russian Love. From the Russ. by Marie de Zielinska. Chicago, 1892.

2. Pushkin A. The Captain's Daughter. Transl. from the Russ. by T.Kean. – In: The Prose Tales of Alexander Pushkin. L., 1926.

3. Pushkin A. The Captain's Daughter. Transl. from the Russ. by Natalie Duddington; With the Introd. by Eduard Garnett. L., 1928. 212p.

4. Pushkin A. The Captain's Daughter. Trans. from the Russ. by Tatiana and Guy Litvinov. – In: Pushkin A. Selected Works Prose. Moscow, 2001, PP. 109-264. (первый перевод Литвиновых – 1954 год).

5. Pushkin A. The Captain's Daughter. Trans. from the Russ. by Rosemary Edmonds. – In: Pushkin A. The Queen of Spades and Other Stories. Harmondsworth, 1979. PP. 185-301.

6. Pushkin A. The Captain's Daughter: – In: Pushkin A. Complete Prose Fiction. Standford, 1983. PP.18-143.

* © Схвитаридзе М.Б.